

Очарование древнерусской литературы

В знаменитом «Плаче Ярославны» из «Слова о полку Игореве» жена попавшего в половецкий плен князя обращается к силам природы с такими словами:

«Полечю, — рече, — зегзицею по Дунаеви, омочю бибрянь рукавъ въ Каяле рече, утру князю кровавыя его раны на жестоцемъ его теле»... «О ветре ветрило! Чему, господине, насильно вееши? Чему мычещи хиновскыя стрелки на своею нетрудною крилицю на моя лады вои? Мало ли ти бяшетъ горе подь облакы вейти, лелеючи корабли на сине море? Чему, господине, мое веселие по ковылию развея?»... «О Днепре Словутицю! Ты пробиль еси каменныя горы сквозе землю Половецкую. Ты лелеяль еси на себе Святослави носады до пльку Кобякова. Възлелей, господине, мою ладу къ мне, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано»... «Светлое и тресветлое слънце! Всемъ тепло и красно еси! Чему, господине, простре горячую свою лучю на ладе вои? Въ поле безводне жаждею имь лучи съпряже, тугою имь тули затче»

По сути дела, «Плач Ярославны» – это заговор, заклинание сил природы, подчиняющихся неумолимой силе слов любви. Не только ветер, река и солнце отзываются на призыв княгини, но и море, земля, растения, смерчи, туманы, звери и птицы, – всё помогает князю Игорю бежать из половецкого плена и избежать погони:

«Прысну море полунощи; идуць сморци мъглами. Игореву князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари. Игорь спить, Игорь бдитъ, Игорь мыслию поля мерить отъ Великаго Дону до Малаго Донца. Комонь въ полуночи Овлуръ свисну за рекою — велить князю разумети: князю Игорю не быть!» «Кликну, стукну земля, въшуме трава, вежи ся половецкии подвизаша. А Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростию, и белымъ гоголемъ на воду, възвржеся на бръзь комонь, и скочи съ него босымъ влькомъ, и потече къ лугу Донца, и полете соколомъ подь мъглами, избивая гуси и лебеди завтроку, и обеду, и ужине. Коли Игорь соколомъ полете, тогда Влуръ влькомъ потече, труся собою студеную росу: претръгоста бо своя бръзая комоня». Донецъ рече: «Княже Игорю! Не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Руской земли веселиа!» Игорь рече: «О, Донче! Не мало ти величия, лелеявшу князя на вльнахъ, стлавшу ему зелену траву на своихъ сребреныхъ брезехъ, одевавшу его теплыми мъглами подь сению зелену древу».

Эти поэтические строки из самого загадочного и завораживающего произведения древнерусской литературы – «Слова о полку Игореве» – дают нам своего рода ключ к пониманию одной особенности художественного слова в целом, отличающей его от обыденной речи. Художественное слово обладает силой, позволяющей преображать действительность, воздействовать на неё странным и необъяснимым способом. Понять, что представляет собой эта загадочная волшебная сила, очень трудно, и ещё сложнее дать ей научное определение. Мы будем называть её «мирёку» - «очарование», и попытаемся на

нескольких примерах из наиболее известных классических произведений древнерусской литературы хотя бы приблизительно понять её смысл. Почему эти, как говорил Гамлет, «слова, слова, слова», из которых и состоит вся литература, воздействуют на сознание читателя и на сам окружающий мир?

«Очарование» - понятие метафизическое, поскольку оно лежит за пределами физических явлений, его невозможно измерить и зафиксировать. Оно субъективно: один человек почувствует очарование чего-либо, а другой ничего не заметит. Очарование литературы зависит не только от присущих текстам характерных особенностей, но и от воспринимающего эти тексты читателя или слушателя, от того, насколько развито его эстетическое чувство, от его эмоциональной отзывчивости, и, наконец, от его начитанности и эрудиции. Поэтому нам прежде всего важно понять, что собой представляет русская средневековая литература, в чём именно заключаются её особенности.

Мы будем в этой лекции говорить о тесно связанных между собой характерных чертах русской литературы эпохи средневековья, проявляющихся в особенностях её бытования и содержания, и составляющих в совокупности её неповторимое очарование.

Одна из характерных черт древнерусской литературы состоит в том, что форма бытования на всём протяжении её истории была рукописной. Хотя на Русь книгопечатание пришло в 1550-х гг., на протяжении первого века его истории издавались почти исключительно тексты Священного Писания, богослужебные или богословские сочинения, переводные произведения отцов церкви. Светская литература проникает на листы старопечатных книг только со второй половины XVII в., поэтому подавляющее большинство произведений древнерусской литературы мы знаем по рукописям, как правило – по спискам, и лишь в единичных случаях – по автографам.

До наших дней сохранились сотни тысяч рукописных книг, находящихся, главным образом, в государственных хранилищах – в библиотеках, музеях и архивах. Древнейшие сохранившиеся до наших дней древнерусские рукописи датируются XI в. (самая ранняя точно датированная рукописная книга – Остромирово евангелие 1056-1057 гг.). Вплоть до конца XIV в. книги писались на специально обработанной телячьей коже - пергамене (пергаменте), который постепенно был вытеснен более дешёвой бумагой.

Книжники, подобные Пимену-летописцу, создавали свои литературные произведения в монастырских скрипториях и кельях. Образ этого древнерусского писателя хорошо известен по пушкинскому "Борису Годунову". В сцене, озаглавленной "Ночь. Келья в Чудовом монастыре (1603 года)", Григорий Отрепьев говорит о старце Пимене:

"Как я люблю его спокойный вид,
 Когда, душой в минувшем погруженный,
 Он летопись свою ведет; и часто
 Я угадать хотел, о чем он пишет?
 О темном ли владычестве татар?
 О казнях ли свирепых Иоанна?
 О бурном ли новгородском вече?
 О славе ли отечества? напрасно.
 Ни на челе высоком, ни во взорах

Нельзя прочесть его сокрытых дум;
 Все тот же вид смиренный, величавый.
 Так точно дьяк, в приказах поседельый,
 Спокойно зрит на правых и виновных,
 Добру и злу внимая равнодушно,
 Не ведая ни жалости, ни гнева".

Обаяние пушкинского текста столь велико, что для многих читателей произведения древнерусской литературы представляются такими беспристрастными достоверными свидетельствами об ушедшем времени. Но человек вообще редко может оставаться беспристрастным, и писатели Древней Руси на самом деле были далеко не столь равнодушны к «добру и злу». Взгляд Григория Отрепьева, между прочим, не был взглядом самого Пушкина; устами Пимена он говорит совершенно иначе о предназначении своего труда:

"Да ведают потомки православных
 Земли родной минувшую судьбу,
 Своих царей великих поминают
 За их труды, за славу, за добро -
 А за грехи, за темные деянья
 Спасителя смиренно умоляют".

Действительно, труды, слава, добро с одной стороны, и грехи, "темные деянья", зло с другой - это главная тема средневековой русской литературы.

В результате более чем двухвекового изучения произведений древнерусской литературы было установлено, что их тексты, как правило, представляют собой сложные по происхождению компиляции разнообразных источников. Используя уже имеющиеся произведения, древнерусский писатель мог редактировать их, сокращать, дополнять, сливать воедино, при этом он зачастую исходил из интересов "своего" княжества или земли, города или монастыря, отражал свое понимание добра и зла, явленного в истории.

Значительная часть известных нам по именам древнерусских писателей относилась к числу монахов. Именно монашеское служение позволяло древнерусскому писателю иметь необходимые условия для литературного труда – не только свободное от других занятий время, но и доступ к монастырским книжным собраниям.

Древнейшие русские монастыри домонгольского периода были патрональными (ктиторскими) княжескими или боярскими обителями. Это были «особные» монастыри («особина» - личное имущество), также именуемые «келлиотскими», в которых иноки жили в принадлежавших им кельях, владели своим имуществом, а общей у них была только церковь, куда они собирались на службу. Соответственно, все рукописи в таких обителях келлиотского типа находились в собственности иноков, кроме книг богослужебных, хранящихся в церкви и не являющихся, строго говоря, монастырской библиотекой. Таким образом, монастырские библиотеки начинают широко распространяться на Руси только с развитием общежительства, и, соответственно, с появлением общей собственности на книги. В целом бурное развитие и распространение древнерусских общежительных монастырей – «киновий» – следует относить ко времени начиная со второй половины XIV в. Раннее исключение в общем ряду

келлиотских монастырей составляли немногие обители, и в первую очередь - общежительный Киево-Печерский монастырь, основанный еще в середине XI в.

Монахом этой обители был знаменитый Нестор-летописец. Изначально появившийся как пещерный монастырь, независимый от княжеской власти, Киево-Печерский монастырь стал крупнейшим книжным и литературным центром Руси домонгольского периода. К сожалению, древняя монастырская библиотека до нас не дошла, но мы можем судить о ней по наличию позднейших списков произведений, связанных своим происхождением с этой обителью (Послания Феодосия Печерского, Начальный летописный свод и «Повесть временных лет», «Житие Феодосия Печерского», «Киево-Печерский патерик»), либо по сведениям в источниках о находившихся в ней, но впоследствии утраченных рукописных памятниках («Летописец старый ростовский» и «Житие Антония Печерского»).

В силу исторических причин новгородская книжность сохранилась в более полном объеме, чем в других русских землях. В Антониеве монастыре после Смутного времени ещё оставалось 44 «харатейных» (пергаменных) рукописных книги, но до наших дней в виде целостной коллекции не дошла и эта библиотека. Можно полагать, что в Антониеве монастыре был собственный скрипторий. В первой половине XII в. здесь трудился знаменитый книжник Кирик Новгородец, с именем которого Д. С. Лихачев связывал реформу новгородского летописания как следствие перехода его из рук князя в руки владыки, а также замену в начальной части Новгородской летописи прокняжеской «Повести временных лет» оппозиционным антикняжеским Киево-Печерским Начальным сводом, созданным около 1095 г.

Таким образом, мы обнаруживаем следы существования монастырских книжных центров в двух общежительных монастырях Киева и Новгорода – Киево-Печерском и Антониеве, но их библиотеки не дошли до наших дней. Известные нам в своем реально сохранившемся составе рукописные фонды древнерусских монастырей весьма немногочисленны. В наших хранилищах насчитывается всего три действительно крупных монастырских собрания, превышающих по количеству рукописных книг тысячу единиц хранения: Троице-Сергиевское (в Российской Государственной библиотеке в Москве), Кирилло-Белозерское и Соловецкое (оба – в Российской Национальной библиотеке в Санкт-Петербурге).

Самые ранние сохранившиеся до наших дней рукописи, достоверно переписанные русскими иноками в монастырях, датируются лишь второй половиной XIV в. и представляют уже новый этап истории монастырских библиотек. Начало этого этапа связано с принятием общежительного устава Троицким монастырем Сергия Радонежского, выходцами из которого во второй половине XIV – XV в. было основано еще несколько десятков киновий. Монастырские библиотеки и скриптории общежительных обителей, основанных во второй половине XIV – XV вв., явились проводниками не только новых текстов, но и художественных, языковых и кодикологических явлений.

Наиболее значительными книжными центрами Северо-Восточной Руси с конца XIV в. являлись тесно связанные между собой общим репертуаром сборников и контактами книжников Троице-Сергиев и Кирилло-Белозерский монастыри. Нам известны имена целого ряда Троице-Сергиевских книжников

конца XIV – XV вв., в том числе Епифания Премудрого и Пахомия Сербя. Одна из древнейших Троицких рукописей – Стихирарь 1380 г. – содержит летописные приписки Епифания Премудрого. С русской историей эти записи (в том числе о слухах, что «Литва грядут с агаряны», о приезде в монастырь разных лиц, и даже двух телег «со мнозем скрипеньем») связаны тем обстоятельством, что они были сделаны в Троицкой обители непосредственно после Куликовской битвы, всего через две недели после нее.

В Кирилло-Белозерском монастыре в конце XV в. создается древнейшая русская книжная опись, упоминающая 212 кодексов. Но эта опись была неполна, так как она не включала келейные книги иноков. Мы можем судить об этом, поскольку сохранившиеся до наших дней три наиболее интересных по содержанию энциклопедических сборника Ефросина Белозерского в монастырскую опись конца XV в. не вошли. Видимо, именно за счет келейных «четых» сборников библиотека Кирилло-Белозерского монастыря в XV в. содержит наибольший по сравнению с другими обителями процент рукописей со статьями светского содержания – 11 %. В Кирилло-Белозерском монастыре на протяжении XV-XVI вв. вообще проявлялся особый интерес к русской истории. До нас дошло более 20 списков различных летописей, связанных своим происхождением с библиотекой этой обители (в том числе по происхождению ростовские, вологодские, новгородские, псковские, западнорусские памятники, а также местные Кирилло-Белозерские летописцы).

В конце XV в. усилиями священноинока Досифея комплектуется библиотека самого северного древнерусского монастыря – Соловецкого. Сохранность этой монастырской библиотеки оказалась наиболее высокой благодаря его труднодоступности и твердой позиции соловецких книжников, неоднократно отказывавшихся отдавать свои рукописные материалы за пределы обители. Не случайно в XVII в., когда в целом литературное развитие «шло уже мимо монастырей» (В. Н. Перетц), на Соловках трудился выдающийся писатель Сергей Шелонин, с именем которого исследователями в последнее время связывается создание все более и более широкого круга литературных текстов.

Достойным эпилогом к истории монастырских библиотек явилось Соловецкое старообрядческое восстание 1668-1676 гг. Отказавшись принять новоисправленные книги, присланные из Москвы, соловецкие иноки демонстративно утопили их в море, и даже после взятия обители царскими войсками смогли уберечь свою библиотеку от разграбления.

Вовлеченность иноков в события «мирской» истории в принципе противоречила монашескому идеалу отречения от мира, что было прекрасно осознано и выражено в предсмертном вздохе преподобного Пафнутия Боровского: «60 лет угажено миру и мирским человекам, князьям и боярам». Несмотря на эту опасность, благодаря своему духовному авторитету иноки древнерусских общежительных монастырей оказывали существенное влияние как на развитие политических идей, так и на само течение исторических событий. Особо может быть прослежена традиция духовного противостояния светской власти в монастырских книжных центрах Древней Руси. Ещё создатель Начального летописного свода (около 1095 г.), монах Киево-Печерской обители, резко противопоставлял нынешних, современных ему князей и дружинников доблестным воинам прежних лет:

«Тѣи бо князи не збираху многа имѣнїя, ни творимыхъ вирь, ни продажъ вѣскладаху люди; но оже будяше правая вира, а ту возмя, дааше дружинѣ на оружье... Они бо не складаху на своя жены златыхъ обручей, но хожяху жены ихъ в серебряныхъ; и расплодили были землю Руськую».

Именно этот оппозиционный власти Начальный свод, содержащий, в частности, резкое по отношению к современным князьям Предисловие, по мнению Д. С. Лихачева, поместил в начало первой официальной летописи Новгородской республики монах Антониева монастыря Кирик Новгородец. С 30-х годов XII века по 15 января 1478 года независимая Новгородская республика с большим или меньшим успехом пыталась следовать принципу «вольности в князьях», по решению городского собрания – веча приглашая и прогоняя представителей разных династий, при этом им доверялось роль лишь военачальников, главой же государства являлся Новгородский архиепископ. Практическим же обоснованием такого положения вещей служил помещённый в начале официальной летописи, выполнявшей роль своего рода Конституции республики, текст летописного сочинения, написанного в конце XI века в Киево-Печерском монастыре.

Одна из дополнительных записей Синодального списка Новгородской первой летописи содержит хорошо известный пример политической цензурной правки. Говоря о том, что московский великий князь Иван Калита завоевал Торжок и Бежецкий верх, летописец отмечал, что он сделал это «через крестное целование». Но некий средневековый книжник выскоблил это первоначальное чтение и написал вместо него совсем другую формулировку, отражающую московскую точку зрения на происходящие события: «за новгородскую измену». По мнению исследователей, в этой тенденциозной правке летописного текста могла отразиться борьба двух политических партий в Новгороде, а может быть некий московский книжник, получив доступ к древней новгородской летописи, не удержался от соблазна «подправить историю». Пожалуй, это наиболее зримый пример вторжения «мирских страстей» непосредственно на листы рукописной книги из монастырской библиотеки, имеющий особое очарование достоверности.

Ещё одно произведение древнерусской литературы, наполненное живым дыханием многолюдного Новгорода, - это Житие Михаила Клопского. Написанное неизвестным автором незадолго до потери республикой самостоятельности, это Житие повествует о монахе Троицкого Клопского монастыря Михаиле, владевшем силой «вещего», волшебного слова. Он мог в великую засуху, когда пересохла даже река, начертать на песке: «Чашю спасения прииму, имя Господне призову. Ту будет кладяз неисчерпаемый», и на этом месте «явился кладязь неисчерпаемый и до сего дни». Он мог предсказать новгородскому посаднику, пытавшемуся отнять монастырские владения: «Будеши без рукъ и без ногъ, мало в водѣ не утонеш!» Про приглашенного новгородцами князя он говорил: «То у вас не князь — грязь!» Он заранее знал о смерти князя Дмитрия Шемяки и о своей кончине. Высказывания Михаила Клопского всегда были афористичны, лаконичны и категоричны. Всё, что он говорил, всегда сбывалось. В его словах, вошедших, по всей видимости, сначала в городской фольклор, а уже оттуда – в посвящённое ему Житие, присутствовало суровое очарование неизбежности, судьбы, которою нельзя преодолеть – нечто вроде воли древнегреческой богини необходимости и предопределённости свыше Ананке,

перед которой склонялись даже всемогущие боги, не говоря уже про земных властителей.

В те же годы, когда в Новгороде создавалось Житие Михаила Клопского, в Кирилло-Белозерском монастыре был написан летописный свод 1472 г. Как установил Я. С. Лурье, это произведение древнерусской литературы, отразившееся в целом ряде более поздних летописей, лежит в основе традиции неофициального, оппозиционного великокняжеской власти летописания последней трети XV века. Кирилло-Белозерский свод 1472 г. является замечательным литературным памятником, содержащим резкую и яркую критику действий великого князя и его приближенных. Официальное великокняжеское летописание и независимые летописные своды последней трети XV в. существенно различаются в описании династической борьбы внутри рода Рюриковичей, и в особенности - в описании борьбы за великое княжение первой половины XV в. Создатель Кирилло-Белозерского свода даже позволяет себе именовать, хотя и тайнописью, великокняжеского наместника не кем иным как «дьяволом».

От антикняжеского Начального летописного свода, созданного в конце XI в. в Киево-Печерском монастыре, через летопись монаха Антониевой обители Кирика, предсказания Михаила Клопского и неофициальный Кирилло-Белозерский свод 1472 г., протягивается нить к Соловецкому старообрядческому восстанию XVII в., связанному с желанием сохранить свободу взглядов и древние монастырских традиции.

Независимость древнерусских писателей, не желающих угождать «сильным мира сего», отстаивающих своё право на собственное мнение, не только вызывает уважение, но и предстаёт силой, преображающей действительность, оказывающей влияние на сам ход русской истории. Очарование духовного противостояния словесности государственной несправедливости, осознание за литературой роли «совести мира», на века станет характерной чертой русской классической литературы.

Художественные средства, которыми пользовались древнерусские писатели, не оставались неизменными на протяжении веков. Как было показано в исследованиях Д. С. Лихачева, на смену «эпическому стилю» и «стилю монументального историзма» в литературе XI-XIII веков приходит «экспрессивно-эмоциональный стиль» конца XIV-XV века, который сменяется «психологической умиротворённостью» XV-XVI веков и «идеализирующим биографизмом» XVI века. События Смутного времени и бурного XVII века в целом приводят к кризису средневековой идеализации человека с одной стороны, и к открытию ценности человеческой личности в демократической литературе – с другой.

Художественное значение лучших произведений, написанных в стиле «психологической умиротворённости», особенно «Повести о Петре и Февронии» Ермолая-Еразма (1540-е гг.) таково, что, говоря об «очаровании» древнерусской литературы, мы никак не можем пройти мимо этого произведения. Прошло уже более четырех с половиной веков с той поры, как древнерусский писатель Ермолай, в иночестве Еразм, загадал своим читателям и интерпретаторам мудреную загадку. Его сочинению - выдающемуся памятнику древнерусской литературы - посвящено значительное число работ. Исследователи по-разному

пытались объяснить смысл рассказанной Ермолаем истории о князе Петре, убившем змея, но заболевшим от змеиной крови, и излеченным "мудрой девицей" – святой волшебницей Февронией, ставшей его женой.

Очарование «Повести» заключается, с одной стороны, «в простоте и ясности изложения, в степенной неторопливости рассказа, в способности повествователя не удивляться удивительному, в гармонирующей со спокойствием рассказчика простоте и беззлобии действующих лиц» (Д. С. Лихачев), а с другой стороны, в увлекательном вымышленном «беллетристическом» сюжете. Это сочетание казалось бы несочетаемых черт заставляет нас вспомнить оценку, которую А. С. Пушкин дал более раннему древнерусскому сочинению - Киево-Печерскому патерику (окончательно сложился в дошедшем до нас виде в XV веке): его отличает «прелесть простоты и вымысла».

Длющийся уже много десятилетий спор о жанре "Повести о Петре и Февронии" на самом деле является спором именно о её смысле - ведь каждый мотив произведения обретает иное значение в зависимости от того, рассматривают ли его в контексте новеллы, или легенды, или сказки, или притчи, или жития, или социальной утопии, и так далее. Потому-то многие авторитетные ученые приходили к полярно противоположным заключениям о характере как текста в целом, так и его ключевых персонажей. Например, если для Д. С. Лихачева образ Февронии - это проявление "стиля психологического умиротворенности", аналог образам на иконах Андрея Рублева, то для Я. С. Лурье главная героиня - это "ловкая крестьянская девочка, весьма активно борющаяся за свое счастье".

Анализируя мотив змеборчества, исследователи отмечали отличия его использования в Повести от традиционной сказочной схемы; его следует рассматривать в первую очередь в связи с христианскими представлениями о борьбе со змием-искусителем, дьяволом. "Недостаточно победить змея в реальном мире, важнее победить змея внутри себя. В течении всего повествования продолжается борьба Петра со змеем", - отмечает японская исследовательница Аюми Мита, развивающая мысль Н. С. Демковой о том, что во многих текстах древнеславянской и византийской традиции погнание (сокрушение) змия (змиевой главы) означает победу над дьяволом. Сопоставление книжного текста с произведениями устного народного творчества позволяет ясно увидеть, насколько далеко сочинение Ермолая-Еразма отстоит от своих сказочных аналогов. Многие мотивы, связанные со свадебной обрядностью, в Повести также существенно отличны от традиционных. Герой, в отличие от героев сказок, не уходит из родного дома за невестой, и даже, казалось бы, найдя её, он старается уклониться от свадьбы. В отличие от сказки, Повесть не кончается браком: Ермолай ведет свое повествование к вторичному и высшему венчанию Петра и Февронии - к их "небесному браку". Именно этот путь героев организует и соединяет в одно целое все образы и мотивы, использованные автором.

В одном из заключительных эпизодов Повести рассказывается, что Петр и Феврония почувствовали приближение смерти, и они стали просить у Бога, чтобы умереть им в одно время. После того они приняли монашество в разных монастырях. И вот, когда Феврония вышивала для храма Богородицы «воздух» для святой чаши, Петр послал ей сказать, что он умирает, и просил ее умереть с

ним вместе. Но Феврония в ответ просит дать ей время дошить покрывало. Вторично послал к ней Петр, велел сказать: «Уже мало пожду тебя». Наконец, посылая в третий раз, Петр говорит ей: «Уже хочу умереть и не жду тебя». Тогда Феврония, которой оставалось лишь немного дошить ризу святого, воткнула иглу в покрывало, обвертела о нее нитку и послала сказать Петру, что готова умереть с ним вместе.

Д. С. Лихачев пишет: «Чтобы оценить этот жест Февронии, обвертывающей нить об иглу, надо помнить, что в древнерусских литературных произведениях нет быта, нет детальных описаний. В этих условиях жест Февронии драгоценен, как и то золотое шитье, которое она шила для «святой» чаши». Эта удивительный жест – обвёртывание нитки вокруг иглы в последнюю минуту жизни – является художественно «сильной деталью», без лишних слов дающей читателю прочувствовать то душевное спокойствие, с которым героиня покидает земной мир, оставляя его несуетно и умиротворённо. Внутренняя свобода и достоинство человека проявляются в обстоятельствах, пограничных между жизнью и смертью.

В сложную многоаспектную картину бытия переплетаются внутренняя свобода реальных прототипов литературных персонажей; авторов древнерусских сочинений, решительно переступающих через заданные традицией привычные литературные правила; читателя, способного увидеть сквозь века душевные движения героев и отдаться обаянию текста. Подлинное, высшее очарование («мирёку»), по словам искусствоведа А. А. Егоровой, невозможно без внутренней свободы, они взаимообусловлены - как нитка и иголка.

Выдающийся писатель Древней Руси протопоп Аввакум, веривший в действенность слова до такой степени, что вопреки церковным канонам написал собственное Житие, рассказывает, как зимой в Сибири, находясь в изгнании, они с семьей брели по снежной пустыне:

«Протопопица бедная бредет-бредет, да и повалится». — «Долго ли муки сея, протопоп, будет?» — спрашивает жена Аввакума. — «Марковна, до самыя смерти!» Она же, вздохня, отвечала: «Добро, Петрович, ино еще побредем».

Вздых Марковны и её простой ответ исполнены той же силы и того же внутреннего достоинства, что предсказания Клопского монаха или жест мудрой девы Февронии. Ни анонимный автор Жития преподобного Михаила, ни Ермолай, ни Аввакум не используют в описанных сценах никаких риторических фигур, никаких поэтических тропов, но их всего лишь «слова, слова, слова» преодолевают время и создают очарование подлинной высокой литературы. Очевидно, пушкинское понимание «прелести» как сочетания «простоты» и «вымысла» (не выдумки, а творческого преображения действительности) даёт нам своего рода ключ к «очарованию» древнерусской литературы.

Как можно его почувствовать? Ответ на этот вопрос так же сложен, как определение сущности искусства в целом. В какой-то степени, вчитываясь в древнерусские тексты, вглядываясь в изображения средневековых монастырей и их обитателей, вдумываясь в произнесённые ими слова и совершенные ими поступки, мы приближаемся к постижению этого очарования. Побывайте в Новгороде и Пскове, на Соловках, в Кремлевских соборах; постоите внутри храмов и подышите их воздухом, приложите руку к старинным стенам; загляните в монастырские кельи; послушайте церковную музыку и богослужение на церковнославянском языке; постарайтесь увидеть рукописи и старопечатные

книги, например, в Отделах рукописей Пушкинского Дома или Российской Национальной библиотеки в Санкт-Петербурге.

Это поможет приблизиться к пониманию того, в чем же состоит очарование древнерусской литературы, а моя сегодняшняя лекция является лишь приглашением вступить в её загадочный и манящий мир.